

ОЛДОС

ХАКСЛИ

Кром желтый
Шутовской хоровод

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х16

Серия «Зарубежная классика»

Aldous Huxley

CROME YELLOW

ANTIC HAY

Перевод с английского

И.Я. Дорониной («Кром желтый»),
И.А. Романовича («Шутовской хоровод»)

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения The Aldous
and Laura Huxley Literary Trust,
наследников автора и литературных агентств
Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg.

Хаксли, Олдос.

X16 Кром желтый. Шутовской хоровод : [романы] / Олдос Хаксли ; [пер. с англ. И. Я. Дорониной, И. А. Романовича]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 544 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-110720-8

«Кром желтый» — литературный дебют Олдоса Хаксли. Внешне сюжет произведения прост и незатейлив — молодой поэт приезжает погостить к друзьям в загородное поместье. Однако это лишь фон, на котором развивается глубокая душевная и психологическая драма легендарного «потерянного поколения» — драма невысказанных слов, несбывшихся надежд, несовершенных действий. Драма трагической разобщенности и конфликта между чувственным и рациональным, между эмоцией и мыслью, между идеалом и реальностью...

И вновь Хаксли возвращается к «потерянному поколению» в романе «Шутовской хоровод», но уже не как поэт, его воспевающий, а как сатирик, обличающий его душевную импотенцию и творческое бессилие, его эгоистическую заикленность на себе и элементарную непригодность к повседневной жизни. Художники, разучившиеся творить, философы, разучившиеся мыслить, женщины, утратившие смысл жизни, и мужчины, живущие в погоне за адреналином, — Хаксли хорошо знает своих персонажей, и это знание делает его особенно беспощадным.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Aldous Huxley, 1921, 1923
© Перевод. И.Я. Доронина, 2016
© Перевод. И.А. Романович, 2015

ISBN 978-5-17-110720-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Кром желтый

Глава 1

По этому участку дороги никогда не ходил экспресс. Все поезда — коих было не много — останавливались на каждой станции. Дэнис наизусть помнил все названия: Боул, Триттон, Спейвин-Делауорр, Нипсвич-фор-Тимпани, Уэст-Баулби и, наконец, Кэмлет. В Кэмлете он всегда выходил, позволяя поезду лениво ползти дальше, одному богу известно куда, в глубь зеленого сердца Англии.

Сейчас состав с пыхтением отходил от перрона Уэст-Баулби, так что — хвала Господу — пункт назначения Дэниса был следующей остановкой. Он снял вещи с багажной полки и аккуратно сложил в углу, противоположном тому, где сидел сам. Бессмысленное усилие. Но надо же чем-то занять себя. Закончив, он снова рухнул на свое место и закрыл глаза. Было невыносимо жарко.

Ох уж это путешествие! Два часа, полностью вычеркнутые из жизни; два часа, за которые он мог бы сделать так много — например, сочинить прекрасное стихотворение или испытать озарение, прочитав очень важную книгу. А вместо этого он с омерзением глотает пыль от подушки, на которой лежит.

Два часа. Сто двадцать минут. За это время можно было сделать все что угодно. Все. Ничего. О, сколько сотен часов у него было, и как он ими распорядился? Истратил попусту, расплескал драгоценные мину-

ты так, словно хранивший их резервуар был бездонным. Дэнис застонал в сердцах и обругал себя последними словами вместе со всеми своими работами. Какое право он имел сидеть на солнышке, занимать угловые места в вагонах третьего класса, вообще жить? Никакого, никакого, никакого, никакого.

Чувство безысходности и безымянной тоски охватило его. Ему было двадцать три года, и — о! — как же мучительно он сознавал этот факт.

Дернувшись напоследок, состав остановился. Вот наконец и Кэмлет. Дэнис вскочил, нахлобучил шляпу на глаза, разворошил свой багаж, высунулся из окна и закричал: «Носильщик!», потом схватил в обе руки по чемодану, но вынужден был снова поставить их, чтобы открыть дверь купе. Благополучно выгрузив наконец себя и свои пожитки на перрон, он помчался вдоль состава вперед, к багажному вагону.

— Велосипед! Велосипед! — запыхавшись, сказал он кондуктору. Сейчас Дэнис чувствовал себя человеком действия. Кондуктор, не обращая на него ни малейшего внимания, продолжал методично, один за другим, выставлять на перрон багаж с бирками «Кэмлет».

— Велосипед! — повторил Дэнис. — Зеленый, мужской, на имя Стоуна. СТО-У-НА.

— Всему свое время, сэр, — мягко успокоил его кондуктор. Это был крупный осанистый мужчина с флотской бородкой, которого не сложно представить в домашней обстановке, за чаем, в окружении многочисленного семейства. Должно быть, именно таким тоном он увещевал своих расшалившихся детишек. — Всему свое время, сэр.

Человек действия в Дэнисе сдулся, словно проткнутый воздушный шарик.

Оставив багаж на вокзале, чтобы позже кого-нибудь прислать за ним, он продолжил путь на велосипеде. От-

правляясь в деревню, он всегда брал с собой велосипед. Это было частью его теории здорового образа жизни. Встаешь однажды утром в шесть часов и крутишь педали до самого Кенилуорта или Стратфорда-на-Эйвоне или еще до чего-нибудь. А в радиусе двадцати миль всегда найдутся норманские церкви и тюдоровские усадьбы, которые можно осмотреть в рамках дневной экскурсии. Правда, почему-то он ни разу их так и не посетил, но все равно приятно было осознавать, что велосипед при нем и что в одно прекрасное утро он и впрямь, вероятно, встанет в шесть часов.

Добравшись до вершины холма, длинный пологий склон которого начинался от кэмлетского вокзала, Дэнис сразу ощутил душевный подъем. Почувствовал, что мир прекрасен. Голубые холмы вдали, нивы, белеющие на склонах хребта, вдоль которого извивалась дорога, на фоне неба — безлесые очертания гор, меняющиеся по мере его продвижения, — да, все это было прекрасно. Напряжение отпустило его при виде красоты видневшихся внизу лощин, глубоко врезающихся в горные склоны. Извилины, извилины — медленно повторял он, пытаясь найти точное слово, чтобы выразить свой восторг. Извилины... нет, не то. Дэнис повел рукой, словно желая зачерпнуть искомое слово из воздуха, и чуть не свалился с велосипеда. Каким же словом поточнее описать изгибы этих маленьких долин? Они были изящны, как линии человеческого тела, исполнены утонченности истинного искусства...

Galbe. Вот нужное слово; но оно французское. *Le galbe évase de ses hanches** — какой французский роман обходится без этого выражения? Когда-нибудь он составит специальный словарь для романистов. *Galbe*,

* Изящные очертания ее бедер (фр.). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

*gonfle, goulu; parfum, peau, pervers, potelé, pudeur; vertu, volupté**.

Но надо же все-таки найти подходящее слово. Извилины, извилины... Эти маленькие долины очертаниями напоминали чаши, вылепленные в форме женской груди; они казались оставшимся на земле отпечатком тела какого-то исполинского божества, некогда прилегшего отдохнуть на здешних холмах. Нет, слишком тяжеловесно, однако, размышляя подобным образом, он, похоже, подбирается ближе к тому, что хочет найти. Отпечаток, печать, статья, истекать... Он мысленно бродил по гулким коридорам ассонансов и аллитераций, удаляясь все дальше и дальше от цели. Его чаровала красота слов.

Очнувшись, Дэнис снова перенесся в реальный мир и увидел, что находится на гребне холма. Отсюда дорога резко ныряла вниз, сбегая в довольно просторную долину. Там, на противоположном склоне, чуть выше подножия, стоял Кром, цель его путешествия. Он нажал на тормоз; вид Крома заслуживал того, чтобы задержаться на нем взглядом. Фасад с тремя возвышающимися над ним башнями стремительно возносился вверх прямо из гущи темных деревьев парка. Дом купался в ярких солнечных лучах, и старинный кирпич играл розоватыми оттенками. Какими насыщенными и богатыми были эти оттенки, какими великолепно сочными! И одновременно какими строгими! Склон становился все круче и круче; велосипед набирал скорость, несмотря на то что Дэнис жал на тормоз. А потом он немного отпустил тормозную ручку и уже в следующий момент мчался к подножию во весь опор. Пять минут спустя он въезжал в ворота огромного двора. Парадная дверь была гостеприимно распахнута. Дэнис прислонил велосипед к стене и молча вошел, чтобы застать их врасплох.

* Изгиб, припухлость, алчный; аромат, кожа, извращенный, пухлый, стыдливость, добродетель, наслаждение (*фр.*).

Глава 2

Он никого не застал врасплох; некого было заставить. Кругом царила тишина; Дэнис переходил из одной пустой комнаты в другую, с удовольствием глядя на знакомые картины и мебель, отмечая незначительные нарушения порядка, свидетельствовавшие о присутствии в доме людей. Он даже порадовался тому, что все куда-то ушли: было так занятно бродить по дому, словно бы изучая обезлюдевшие Помпеи. Какой мог представить былую жизнь археолог по этим останкам; кем населил бы он эти пустые помещения? Вдоль стен длинной галереи рядами висели ценные, но (хотя, разумеется, никто не признался бы в этом публично) весьма скучные картины итальянских примитивистов, расставлены китайские статуэтки и предметы безликой мебели неведомой эпохи. В гостиной стены были обшиты деревянными панелями, и стояли гигантские обитые мебельным ситцем кресла — оазис уюта среди аскетичного антиквариата, предназначенного не иначе как для умерщвления плоти. Малую гостиную с бледно-лимонными стенами заполнили крашенные венецианские стулья, столики в стиле рококо, зеркала и современная живопись. Библиотека была прохладной и просторной, в ней царил полумрак, стены от пола до потолка покрывали книжные стеллажи, изобилующие почтенными фолиантами. Столовая — по-английски солидная, располагающая к рюмке портвейна, с огромным столом красного дерева, стульями и буфетом восемнадцатого века, с развешенными по стенам фамильными портретами и тщательно прописанными изображениями животных — того же восемнадцатого века. Какой вывод напрашивался из этих наблюдений? Галерея и библиотека в значительной мере отражали вкусы Генри Уимбуша, малая гостиная — отчасти вкусы Анны. Вот и все. На имуществе, приумноженном деся-

тью поколениями семьи, ныне живущие ее представители оставили лишь несколько незначительных следов.

На столе в малой гостиной Дэнис заметил свой сборник стихов. Как деликатно! Он взял книгу и раскрыл ее. Она представляла собой то, что критики называют «тонкой книжицей». Взгляд выхватил наугад:

Сияет Луна-парк, а тьма
Над ним сомкнулась, как тюрьма.
И Блэкпул смотрит в мрак ночной
Могилой яркой и цветной*.

Он положил книгу на место, покачал головой и вздохнул. «Как гениален я был в то время!» — вспомнил Дэнис слова престарелого Свифта. Прошло полгода с тех пор, как книга вышла в свет; ему было приятно думать, что больше он никогда не напишет ничего подобного. Интересно, кто мог ее здесь читать? Анна? Хорошо бы. И, быть может, она наконец узнала себя в стройной лесной нимфе, чьи движения напоминают колыхания молодого деревца на ветру. «Женщина, которая была деревом» — так назвал он стихотворение. По выходе книги он подарил ее Анне в надежде, что стихотворение поведаст ей то, чего Дэнис не смел озвучить. Но она ни разу о ней не упомянула.

Он закрыл глаза и представил Анну в красном бархатном плаще, которая грациозно вплывала в лондонский ресторанчик, где они иногда обедали вместе, — она всегда приходила с опозданием на три четверти часа, между тем как он сидел за столом, снедаемый волнением, раздражением и голодом. О, она была неисправима!

Ему пришло в голову, что хозяйка дома могла находиться у себя в будуаре. Это вполне вероятно, нужно пойти посмотреть. Будуар миссис Уимбуш располагался

* Здесь и далее стихотворения даны в переводе Р. Дубровкина. — *Примеч. ред.*

в центральной башне, окнами выходя на сад перед домом. Узкая лесенка штопором вилась вверх из холла. Дэнис поднялся и постучал в дверь.

— Войдите.

Ну да, она здесь; а он так надеялся, что никто не откликнется. Дэнис открыл дверь.

Присцилла Уимбуш лежала на софе. На коленях у нее покоился бювар, она задумчиво посасывала кончик серебряного карандаша.

— О, привет! — сказала она, поднимая голову. — Я и забыла, что вы должны приехать.

— Боюсь, что я тем не менее приехал, — обиженно произнес Дэнис. — Вы уж простите.

Миссис Уимбуш рассмеялась. И говорила, и смеялась она басом. В ее облике все было мужским. Крупное квадратное немолодое лицо с массивным, далеко выдающимся вперед носом и маленькими зеленоватыми глазками венчала монументальная замысловатая прическа невероятного оранжевого оттенка. Глядя на эту женщину, Дэнис всегда вспоминал Уилки Барда* в роли оперной дивы: «Вот почему мечтаю я петь в о-о-опере, о-о-опере, о-о-опере...»

Сегодня на ней было лиловое шелковое платье с высоким воротником, шею украшало жемчужное ожерелье. Этот шикарный наряд под стать вдовствующей герцогине, намекающий на принадлежность к особам королевского достоинства, делал ее еще больше и придавал вид водевильного персонажа.

— Что подделывали все это время? — спросила она.

— Ну-у-у... — протянул Дэнис почти сладострастно. В его голове уже сложился потрясающе забавный рассказ о лондонской жизни, и он был готов с удовольстви-

* Известный в начале двадцатого века английский актер мюзик-холла, одной из самых популярных песен-пародий в его исполнении была «Я хочу петь в опере».

ем представить его. — Начать с того, что... — продолжил он.

Но было слишком поздно. Вопрос миссис Уимбуш относился к разряду тех, что филологи называют риторическими, ответа он не требовал. Это было лишь украшение светской речи, положенная дань вежливости.

— А я как раз занималась своими гороскопами, — поведала она, даже не отдавая себе отчета в том, что прервала его.

Несколько уязвленный, Дэнис решил приберечь свой рассказ для более благодарных ушей и в порядке мести удовлетворился тем, что весьма холодно произнес:

— О?

— Я рассказывала вам, как выиграла в этом году четырехста фунтов на Гранд Нэшнл?*

— Да, — ответил Дэнис все так же холодно и односложно. Она рассказывала ему об этом минимум шесть раз.

— Удивительно, не правда ли? Все дело в расположении звезд. В былые времена, когда не прибегала к помощи звезд, я проигрывала тысячи. А теперь, — она сделала многозначительную паузу, — вот вам, пожалуйста — четыре сотни на Гранд Нэшнл. И все благодаря звездам.

О «былых временах» Дэнису хотелось бы узнать побольше. Но он был слишком благоразумен и скромнен, чтобы спрашивать. Единственное, что он знал, — в тех временах таилось нечто скандальное. Старушка Присцилла — разумеется, не такая старая в те времена и гораздо более бойкая — проматывала кучу денег, раскидывала их пригоршнями и охапками на всех скачках страны. Да к тому же еще увлекалась азартными

* Крупнейшие скачки с препятствиями; проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

играми. По разным легендам, цифра просаженных ею денег варьировалась, но неизменно была высока. Генри Уимбушу пришлось продать американцам кое-что из своих примитивистов — картину Таддео из Поджибонси, друга Таддео, и четыре или пять полотен неизвестного художника из Сиенской школы. То был переломный момент. Впервые в жизни Генри проявил твердость и, судя по всему, небезрезультатно.

Веселая разгульная жизнь Присциллы резко закончилась. Теперь она почти все время проводила в Кроне, пестуя некую весьма таинственную болезнь и в порядке утешения развлекаясь «Новым мышлением»* и оккультизмом. Однако страсть к скачкам все еще обуревала ее, и Генри, будучи в глубине души человеком добрым, выделял ей сорок фунтов в месяц на ставки. Большая часть дней уходила у Присциллы на составление лошадиных гороскопов, и ставки она делала по науке, как диктовали звезды. Играла миссис Уинбуш и на футбольном тотализаторе, у нее был толстый блокнот, в который она вносила гороскопы игроков всех команд Лиги. Процесс сопоставления одиннадцати гороскопов с одиннадцатью другими представлял собой очень тонкую и трудную работу. Например, любой матч между «Шпорами»** и «Виллой»*** вызывал на небесах катаклизмы такого масштаба и сложности, что Присцилла иногда неверно предсказывала результат — удивляться здесь нечему.

— Так жаль, что вы не верите в подобные вещи, Дэнис, так жаль, — посетовала миссис Уимбуш, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Не могу сказать, что разделяю ваше сожаление.

* Религиозное движение, возникшее в США в последней четверти девятнадцатого века и придающее особое значение верованиям оккультного («метафизического») характера.

** Футбольный клуб «Тоттенхэм Хотспур».

*** Футбольный клуб «Астон Вилла».